



## АРХАНГЕЛЬСКОЕ СЕЛО ЛЯВЛЯ КАК МЕСТО НАСИЛИЯ: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И МИФОМ

*Наталья Васильевна Дранникова*

Европейский университет в Санкт-Петербурге  
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия  
n.v.drannikova@gmail.com

**А н н о т а ц и я :** В статье рассматриваются нарративы, представления и культурные практики, бытующие в архангельском культурном пространстве и репрезентирующие внешнему наблюдателю страницы советской истории села Лявля, связанные с массовым уничтожением людей в 1920–1950-е гг. Культурная память о Лявле как месте насилия создавалась прихожанами церкви Успения Пресвятой Богородицы и руководством Архангельской епархии. Итогом их деятельности стало формирование нарратива об истории Лявли и партикуляризация памяти о жертвах насилия. Судьба современной России для акторов памяти неотделима от судьбы Православной церкви, а люди, погибшие в Лявле, предстают мучениками за веру и «героями духа». Крестные ходы по местам захоронений дают возможность их участникам легитимизировать представления об особой роли России в православном мире и об исключительности русского народа. Судьба погибших священнослужителей и мирян, по мнению мемориальных акторов, служит свидетельством уникальности русской нации и ее особой миссии по сохранению православия. В последнее время интерес к теме травматического прошлого угас. Автор показывает, как память о травматическом наследии конструируется через церемонии, мемориалы и публикации.

**К л ю ч е в ы е с л о в а :** село Лявля, Архангельск, репрессии, Православная церковь, место памяти, коммеморация.

**Д л я с с ы л о к :** Дранникова Н. Архангельское село Лявля как место насилия: между историей и мифом // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 194–218.

**doi :** 10.31250/1815-8870-2024-20-61-194-218

**U R L :** <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/drannikova.pdf>

## THE ARKHANGELSK VILLAGE OF LYAVLYA AS A PLACE OF VIOLENCE: BETWEEN HISTORY AND MYTH

*Natalia Drannikova*

European University at St Petersburg  
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia  
n.v.drannikova@gmail.com

**A b s t r a c t :** The article examines the narratives, ideas and cultural practices that exist in the Arkhangelsk cultural space and represent to an external observer the pages of the Soviet history of the village of Lyavlya associated with the mass extermination of people in the 1920s–1950s. The cultural memory of Lyavlya as a place of violence was created by parishioners of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary and the leadership of the Arkhangelsk diocese. The result of their activities was the formation of a narrative about the history of Lyavlya and the particularization of the memory of the victims of violence. For memory actors, the fate of modern Russia is inseparable from the fate of the Orthodox Church, and the people who died in Lyavlya appear as martyrs for the faith and “heroes of the spirit”. Processions of the cross to burial sites provide an opportunity for their participants to legitimize ideas about the special role of Russia in the Orthodox world and the exclusivity of the Russian people. The fate of the dead clergy and laity, according to memorial actors, serves as evidence of the uniqueness of the Russian nation and its special mission to preserve Orthodoxy. Recently, interest in the topic of the traumatic past has faded. The author shows how the memory of traumatic legacies is constructed through ceremonies, memorials and publications.

**Key words :** Lyavlya village, Arkhangelsk, repression, Orthodox Church, place of memory, commemoration.

**To cite :** Drannikova N., ‘Arkhangelskoe selo Lyavlya kak mesto nasiliya: mezhd u istoriei i mifom’ [The Arkhangelsk Village of Lyavlya as a Place of Violence: Between History and Myth], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 194–218.

**doi :** 10.31250/1815-8870-2024-20-61-194-218

**U R L :** <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/drannikova.pdf>

Наталья Дранникова

## Архангельское село Лявля как место насилия: между историей и мифом

В статье рассматриваются нарративы, представления и культурные практики, бытующие в архангельском культурном пространстве и репрезентирующие внешнему наблюдателю страницы советской истории села Лявля, связанные с массовым уничтожением людей в 1920–1950-е гг. Культурная память о Лявле как месте насилия создавалась прихожанами церкви Успения Пресвятой Богородицы и руководством Архангельской епархии. Итогом их деятельности стало формирование нарратива об истории Лявли и партикуляризация памяти о жертвах насилия. Судьба современной России для акторов памяти неотделима от судьбы Православной церкви, а люди, погибшие в Лявле, предстают мучениками за веру и «героями духа». Крестные ходы по местам захоронений дают возможность их участникам легитимизировать представления об особой роли России в православном мире и об исключительности русского народа. Судьба погибших священнослужителей и мирян, по мнению мемориальных акторов, служит свидетельством уникальности русской нации и ее особой миссии по сохранению православия. В последнее время интерес к теме травматического прошлого угас. Автор показывает, как память о травматическом наследии конструируется через церемонии, мемориалы и публикации.

Ключевые слова: село Лявля, Архангельск, репрессии, Православная церковь, место памяти, коммеморация.

### Проблематика и источники исследования

Село Лявля — собирательное название нескольких деревень (Ершовка, Хорьково, Новинки, Зачапино, Бор, Черный Яр), расположенных в радиусе десяти километров и в тридцати трех километрах от Архангельска вдоль трассы Архангельск — Мезень. До начала 2000-х гг. в селе существовал совхоз, в котором разводили холмогорскую породу коров. Большая часть жителей занята в сельском хозяйстве. Сейчас здесь проживают 370 человек.

В раннесоветские и сталинские годы в Лявле совершались массовые и одиночные расстрелы, осуществлялись расстрельные захоронения, располагались лагерные пункты. До 1960-х гг. здесь заканчивалась грунтовая дорога, идущая из Архангельска, что способствовало созданию на этой территории мест исполнения приговора. С 1929 г. в Лявле находилось Управление 9-й базы Северных лагерей особого назначения ОГПУ-НКВД<sup>1</sup>. Происходившие здесь события связаны с уничтожением групп населения в разные периоды советской истории: Красного

**Наталья Васильевна Дранникова**  
Европейский университет в  
Санкт-Петербурге,  
Санкт-Петербург, Россия  
n.v.drannikova@gmail.com

<sup>1</sup> Управление Северных лагерей особого назначения существовало с 1929 по 1931 г.

террора (1917–1924), раскулачивания (1929–1931), Большого террора (1937–1938), в том числе заключенных Архангельского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ)<sup>1</sup>, депортированных поляков, немцев и эстонцев (1939–1940-е). Захоронения растянулись на двадцать пять километров.

При этом, в отличие от ситуации с Бутово<sup>2</sup>, Сандармохом<sup>3</sup> и другими расстрельными полигонами, информация о расстрелах в Лявле плохо известна в регионе и практически неизвестна за его пределами. Документов, подтверждающих сталинские расстрелы в Лявле, обнаружить не удалось.

В статье используются термины, принятые в исследованиях памяти:

— *культурная память* — символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп и сохраняемая традицией [Асман 2004];

— *коллективная память* — представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами социальной или локальной группы;

— *место памяти* — место, которое обеспечивает единство сообщества; память здесь кристаллизуется и находит свое убежище [Нора 1999];

— *темное или травматическое наследие* — период, который не только вызывает общественные дискуссии, но и вытесняется некоторыми мемориальными акторами из канона культурной памяти сообщества из-за крайней травматичности события и политической нецелесообразности;

— *антиистория* — версия истории, отличная от официальной и разделяемая маргинализированными государством группами [Фуко 2005: 84]. Так, начавшая формироваться в конце 1980-х гг. антиистория в версиях правозащитного центра «Мемориал»<sup>4</sup> и РПЦ декларировала ложность предшествовавшего официального дискурса.

<sup>1</sup> Архангельский исправительно-трудовой лагерь. Организован 10 июля 1938 г., закрыт и переименован в ИТЛ и строительство Архангельского ЦБК 9 октября 1940 г.

<sup>2</sup> Бутовский полигон — одно из мест массовых расстрелов и захоронений жертв советских репрессий в Московской области, где, согласно результатам исследований архивно-следственных документов, в 1930–1950-х гг. были расстреляны более двадцати тысяч человек.

<sup>3</sup> Лесное урочище, ставшее в 1937–1938 гг. местом массовых расстрелов и захоронений. Находится в девятнадцати километрах от Медвежьегорска. Обнаружено в 1997 г. На этой территории было тайно убито и захоронено свыше шести тысяч человек.

<sup>4</sup> Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

Изучение коллективной памяти о местах травматического наследия получило развитие в зарубежной науке в 2010-е гг. Места, связанные с массовым уничтожением людей, рассматривает А. Ассман [Ассман 2018]. Травматическому наследию посвящены сборник статей, изданный в США [Avrami et al. 2019], коллективные монографии австралийских ученых [Hubbell et al. 2020] и исследователей из Великобритании [McGlynn, Jones 2022]. Процесс формирования памяти о ГУЛАГе рассматривает З. Богумил [Богумил 2010; 2018; Bogumil 2018]. В российской науке публикации о местах травматического наследия касаются истории поиска расстрельных полигонов и их осмысления как мест памяти. Самому большому расстрельному полигону Северо-Запада России Сандармоху посвящена книга И. Флиге [Флиге 2019]. Бутовский полигон исследуется в работе В. Дорман [Дорман 2010].

Статьи о Лявле как месте насилия публиковались в православных и региональных архангельских изданиях. Информация об одном из крестов, установленных на месте захоронения, есть на сайтах Сахаровского центра<sup>1</sup> <<https://www.sakharov-center.ru/>>, Виртуального музея ГУЛАГа <<https://iofe.center/vmg>> и проекта «Карта памяти: Некрополь террора и ГУЛАГа» <<https://www.mapofmemory.org/>>.

В статье представлены результаты исследования, начатого в 2017 г. В его задачи входит изучение того, что разные группы населения знают о событиях, связанных с историей села Лявля как места заключения и расстрелов, и как их интерпретируют. В ходе экспедиций в Лявлю и Архангельск проведены полуструктурированные интервью, опросы и включенное наблюдение. Я беседовала с людьми с разным образованием и мировоззрением: учителями, работниками культуры, священниками, служащими и прихожанами, депутатами областного собрания, преподавателями университета, пенсионерами и др. Интервью проходили в церкви, в сельском клубе, дома у информантов и интервьюера, во время крестного хода. Все мои собеседники — уроженцы Архангельской области, большинство родились в Архангельске или Боброво-Лявлинском МО, самый младший из них 2002 г.р., самый старший — 1950 г.р. Для понимания контекста интервью важна роль интервьюера. Я не только уроженка Архангельска и исследователь, но и занимаюсь практической деятельностью по сохранению памяти о репрессиях. Это определяло мою позицию в глазах информантов и влияло на их риторические стратегии. Помимо полевых источников в статье использованы печатные публикации местных краеведов

---

<sup>1</sup> Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

(прежде всего Н.В. Суханова) и паломников, а также электронные ресурсы, включая материалы Архангельского телевидения.

### **Процесс структурирования коллективной памяти**

#### ***Акторы: краевед Н.В. Суханов и православные лидеры***

Впервые информация о лявленских расстрельных захоронениях появилась в СМИ в 1989 г. Это стало возможным после изменения политики исторической памяти в период трансформации социального и политического режима. Тогда группа поисковиков провела пробный раскоп в садово-огородном товариществе «Северодвинка» в двух километрах от деревни Ершовки [Захоронение расстрелянных]. Во время раскопок были обнаружены останки сорока двух человек с пулевыми отверстиями в черепах. В дальнейшем было установлено, что захоронение относится к 1934–1936 гг. [Андреева 2016]. Чтобы восстановить хронику событий и имена расстрелянных, несколько краеведов сделали запросы в Архангельское отделение КГБ / ФСБ о предоставлении им расстрельных списков. В полученных ответах говорилось, что списки не сохранились, есть лишь путевые листы на рейсы машин НКВД в Лявлю, что косвенно подтверждает информацию о захоронениях [Суханов 2017].

В 2011 г. по приглашению митрополита Архангельской и Холмогорской епархии Даниила Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН провел на территории захоронения георадарную разведку. В результате были обнаружены одиночные ямы и три рва длиной пятнадцать метров. Все имеющиеся на этой территории захоронения определить не удалось, так как для этого требовалось тотальное обследование местности [Мага 2012; Суханов 2012].

Травматическим наследием Лявли занимались краеведы, журналисты, религиозные деятели и работники учреждений культуры. Главным актором памяти о Лявле стал краевед Николай Васильевич Суханов, умерший в 2016 г., — бывший учитель математики, староста лявленской церкви Успения Пресвятой Богородицы, директор Центра по изучению и сохранению памяти новомучеников и исповедников российских Архангельской епархии. Местные жители называли Суханова «комендантом лявленских захоронений». Заниматься сохранением памяти о жертвах политических репрессий он начал в 1989 г. и первое время его интересовала судьба всех категорий репрессированных. Но в конце 1990-х гг. приоритетным для него становится сохранение памяти о людях, пострадавших за православную веру. Суханов пересматривает свой взгляд на историю советских репрессий, меняется его дискурс. В 2000 г. в интервью,

посвященном Дню памяти жертв политических репрессий, он говорит: «Русский — значит православный» [30 октября — День памяти 2022]. Свое представление о нации он конструирует через тождество этнической и конфессиональной идентификации. В его интервью Лявля репрезентируется как святое место, которое советская власть пыталась осквернить, организовав на его территории массовые расстрелы. В некрологе Н.В. Суханова, опубликованном на сайте Архангельской епархии, говорится, что смысл своей деятельности он видел в том, чтобы показать силу духа, «которая появляется у человека, когда он пребывает в Боге» [Андреева 2016]. Публикации Суханова основаны на личных воспоминаниях местных жителей, с которыми он беседовал в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Некоторые его собеседники были очевидцами событий, однако эти нарративы недостаточно атрибутированы.

Взгляды Суханова на советское прошлое Православной церкви разделяла настоятельница женского Иоанно-Богословского монастыря в Лявле игуменья Афанасия (Рудалева) (1938–2022). В открытии монастыря в 1994 г. игуменья видела «Божье благословение оскверненной земли», а в мучениях «православных», погибших в Лявле, — источник ее последующего религиозного возрождения, поэтому в монастыре непрерывно совершалась молитва об убиенных [Иоанно-Богословский монастырь 2012]. Работу Суханова по конструированию образа Лявли как места травматического наследия поддерживали епископы Архангельской и Холмогорской епархии Тихон (Степанов) (1996–2010) и Даниил (Доровских) (2010–2019).

В настоящее время акторами памяти о Лявле как месте насилия являются прихожане церкви Успения Пресвятой Богородицы и Архангельская епархия. Старостой церкви после смерти Суханова стал генеральный директор ООО «Автодороги» В.Д. Беляев. Он разделяет взгляды своего предшественника на историю храма в советский период и считает главной задачей прихода сохранение памяти о православных жителях Архангельской области, погибших из-за религиозных убеждений. В 2018 г. паломническая служба «Архангел», открытая при епархии, провела цикл мероприятий, объединенных темой «Север особого назначения». Значимое место в этом проекте отводилось травматической истории Лявли. Были сделаны стенды «Потаенные Соловки в лявленских лесах», «Лявля. Настоящее время. Необходимость покаяния» и др., представляющие историю Лявли как часть большого православного нарратива самопожертвования. Сейчас стенды находятся в местном сельском клубе. Все акторы антиистории Лявли репрезентируют в своей деятельности взгляд на это место как на территорию, где уничтожались православные клирики и миряне, и считают, что гибель этих

людей определила преимущество между церковью советских лет и современной.

В последние годы работа по конструированию культурной памяти о травматическом наследии Лявли остановилась. Одной из причин стал перевод епископа Даниила в другую митрополию. Другим объяснением можно считать изменение социального ландшафта российской памяти, в котором история советских репрессий утрачивает прежние и приобретает новые значения.

### *Структурирование пространства*

Пространство лявленских захоронений структурируют десять поклонных крестов, установленных в радиусе двадцати пяти километров в местах предполагаемых захоронений и ставших местами притяжения: здесь проходят траурные церемонии и возложения цветов. Кресты представляют собой мемориал, служащий увековечиванию памяти о трагических событиях, которые происходили на его территории. Несколько из них поставлены на месте захоронений, другие символически напоминают о насилии, совершенном в различные периоды советской истории. В 2011 г. за дорогой, вдоль которой установлены кресты, закрепилось название «тракт десяти крестов» [Соловьева 2012]. Форма креста как памятного знака выбрана неслучайно: по мнению инициативной группы, она является символом этноконфессиональной принадлежности погибших и жертвенности их смерти. Памятники-кресты занимают промежуточное положение между монументами и личными памятниками. Б. Андерсон пишет о значимости, которой обладают могилы неизвестных солдат в символике современного национализма: «Публичное церемониальное благоговение, с каким относятся к этим памятникам именно в силу того, что либо они намеренно оставляются пустыми, либо никто не знает, кто в них лежит, поистине не имеет прецедентов в прежней истории» [Андерсон 2016: 51].

В 2001 г. началось благоустройство захоронения на территории ТОС «Северодвинка». Место огородили, на мемориальной площадке установили металлический памятный крест. Созданием мемориала занимались община церкви Успения Пресвятой Богородицы и общественность Приморского района. В ходе работ на окружающих деревьях были обнаружены давние зарубки в виде крестов. Вероятно, кто-то, оказавшийся свидетелем тех событий или случайно нашедший захоронения, хотел отметить это место, привлечь к нему внимание или отдать дань погибшим людям — тогда это невозможно было сделать открыто. П. Нора писал, что осознание разрыва с прошлым сли-

вается в таких местах «с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [Нора 1999: 17].

Второй поклонный крест установлен в 2002 г. на месте захоронения расстрелянных священнослужителей, около Успенской церкви в Лявле. Он находится в самой высокой точке села. Н.В. Суханов, объясняя выбор места, назвал его «географическим центром лявленских захоронений» [30 октября — День памяти 2022]. Со стороны дороги крест виден за несколько километров, его месторасположение свидетельствует о значимости захоронения для акторов.

Следующим был воздвигнут крест в память о жителях Архангельской области, расстрелянных в годы Большого террора около деревни Бабонегово. По утверждению Суханова, с 1936 г. здесь находился основной расстрельный полигон [Суханов 2017]. Впоследствии на этом месте построили государственные дачи для сотрудников Архангельского областного комитета КПСС. Создание такого рода культурных объектов на местах захоронений было распространенной советской практикой.

На месте бараков в Черном Яре 12 июня 2008 г. установили памятный крест с табличкой «Распятому русскому крестьянству». Весной 1929 г. здесь были собраны раскулаченные крестьяне из всех районов Северного края<sup>1</sup> [Суханов 2014; Инф. 3]. Дата установки — День России — имеет символическое значение: таким образом погибшие становятся членами воображаемого сообщества, в которое включены именно «русские крестьяне». Кресты Лявли поставлены не реальным людям, а тем, с кем отождествляют себя акторы памяти. Б. Андерсон видел в почитании таких могил духовное родство национализма с религиозным воображением [Андерсон 2016: 51]. Во время освящения креста его символическое значение для собравшихся меняется. Так, в Черном Яре протоиерей Андрей Хрусталеv, совершивший чин освящения, посвятил свою проповедь не раскулаченным крестьянам, а православным предкам: «Ведь дорогой, на которой теперь стоит крест, шли наши православные предки — новомученики и исповедники Российские» [На месте расстрела 2008]. Таким образом, протоиерей устанавливает связь между церковью советского времени и современной. Страдания и смерть православных предков обретают в его

---

<sup>1</sup> Северный край был образован постановлением ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 г. В его состав входили Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии и Коми автономная область. Центром края был Архангельск.

проповеди смысл и становятся примером для ныне живущих, а их гибель позволяет обосновать преемственность между советским прошлым церкви и настоящим.

Одним из последних появился крест на захоронении за Царевским (Псаревским) кладбищем, по мнению Суханова, самом большом на территории лявлинских деревень — в Псарево из Архангельска привозили трупы без одежды и опознавательных знаков [Суханов 2014].

В 2008 г. на острове Ельничном, в нескольких километрах от Лявли, воздвигли крест, посвященный расстрелянным здесь заключенным. По утверждению очевидцев события, их везли на барже по Северной Двине в Холмогорский концентрационный лагерь (1919–1923) [Инф. 3]. Ориентировочно эти события относятся к 1923 г. Для акторов памяти важно, что среди погибших было много священников [Инф. 2]. В своих интервью Суханов ссылался на воспоминания старожилов и свидетельства студентов Архангельского медицинского института, искавших на острове кости и черепа для учебных занятий и находивших наряду с ними нательные и напрестольные кресты [30 октября — День памяти 2022].

Последними появились кресты в селе Уйма и деревне Жаровихе, они были установлены в память представителей разных народов, депортированных в Архангельскую область. Инициатором стало консульство Польши в Санкт-Петербурге, которое обратилось к Суханову и убедило его в необходимости такого памятного знака, посвященного репрессированным соотечественникам<sup>1</sup>. На мой вопрос, почему католикам и протестантам был установлен православный крест, Суханов ответил, что их «крестили после смерти» [Инф. 1]. Таким образом православие предстает единственной «истинной верой».

### ***Перформативная коммеморация***

Ежегодно по местам лявлинских захоронений проходит крестный ход, который организуют епархия Архангельской области и община церкви Успения Пресвятой Богородицы. Организаторы назвали его «От пересылки до пересылки и дальше — в Лявлю». Первый крестный ход состоялся в 2011 г., сейчас его проводят в последнее воскресенье июля. Главные участники — прихожане архангельских храмов. Во время первых крестных ходов они шли по трассе Архангельск — Мезень от кладби-

<sup>1</sup> Крымские и поволжские немцы, поляки и эстонцы в 1935–1940 гг. строили первую очередь Архангельского ЦБК в Мечкастрое (сейчас Новодвинск), в 1939–1941 гг. — дороги в Нижнем Подвинье, на Пинеге и Мезени [Сабурова 1999; Мельник 2004; Данилова 2014; Супрун, Герасимова 2021].

щенской церкви иконы Божией Матери Взыскание погибших в Жаровихе до Успенской церкви. Движение возглавляли священники с хоругвями и певчие. В последующие годы участники крестного хода стали проезжать по этому маршруту на машинах и автобусах, останавливаясь у каждого креста для совершения заупокойной литии. С 2015 г. крестный ход начинается в Архангельске от храма Новомучеников и Исповедников земли Архангельской. Тогда на него собралось более четырехсот человек, в последующие годы число участников было около ста.

Какими значениями наделяют публичные шествия по местам травматической памяти их участники? Для организаторов обращение к национальной истории стало способом сформировать новую религиозную и национальную идентичность. Крестные ходы совершают в память новомучеников, «которые отдали свою жизнь, но не пошли на компромисс и не предали свою веру» [Соловьева 2012]. В одном из них я принимала участие, беседовала с теми, кто отправился вместе со мною, и наблюдала их отношение к происходящему. Часть людей переходила от познавательного интереса к местам расстрелов к их эмоциональному восприятию. Некоторые, оказавшись на месте захоронений впервые, испытывали ужас, сострадание, скорбь, возмущение, осознавали чудовищность произошедшего, хотели восстановления справедливости и недоумевали, как окрестные жители могут не знать о произошедших здесь событиях. На моих информантов производил впечатление масштаб насилия, многие из них в этот момент вспоминали о судьбе своих репрессированных предков. Такие чувства испытывали и прихожане церкви в Лявле и архангельских храмов, и невоцерковленные жители Архангельска.

Места насилия играют роль ключей памяти. Индивидуальная и коллективная травматическая память усиливается в местах, где травма увековечивается. При их посещении происходит разблокировка памяти. Например, во время исполнения литии у памятного креста на Жаровихе один информант вспомнил «историю раскулаченного прадеда Федора, депортированного из Белоруссии в Архангельскую область» и затем заказал «панихиду за упокой его души» [Инф. 6], другой думал о своем репрессированном деде-моряке [Инф. 11], третий — о раскулаченных родственниках из Вологодской области [Инф. 7]. У этих людей посещение мест насилия формировало чувство ответственности за произошедшие события и желание не допустить их повторения.

Такие коммеморативные практики могут порождать конфликты. Участники крестного хода сталкиваются с непониманием его смысла другими местными жителями. Например, водители

выражают недовольство из-за того, что им приходится переждать, когда освободится трасса. Дачники, проживающие в ТОС «Северодвинска», где было найдено первое захоронение, выступают против проведения крестных ходов на территории дачного поселка и обращаются к депутатам Архангельского областного собрания с просьбой их запретить. Архиепископ Даниил, возглавлявший один из крестных ходов, говорил о равнодушии окружающих, несмотря на то что их родственники могли быть в числе репрессированных [Соловьева 2012]. Негативное отношение к сохранению памяти о репрессиях и ее репрезентации в коммеморативных ритуалах мне встречалось у невоцерковленных жителей Лявли и Архангельска.

Со своей стороны организаторы крестных ходов репрезентируют такие концепты социального воображения, как «русский народ», «церковь», «православные». В их дискурсе «русский народ» и «православные» предстают как тождественные. После 1991 г. перед клириками и мирянами встала задача сформировать отношение современной церкви к действовавшей в советское время через разрыв с ней или преемственность. Репрессии оцениваются участниками крестного хода как «коллективный грех русского народа», требующий покаяния, в некоторых публикациях он назван «покаянным путем» [Гаврилова 2007].

Для группы, сохраняющей память о Лявле как месте насилия, главными культурными героями оказываются православные христиане, гибель которых стала «очистительной жертвой» ради жизни современной России. Их смерть обретает смысл и получает героическую мотивацию — «мученический подвиг» во имя «украшения» и «прославления Русской церкви». Шедший с крестным ходом митрополит Даниил объяснял, что мученическая смерть верующих обеспечила сохранение веры и стала очистительной жертвой для всего российского общества [Соловьева 2012]. Во время следующего крестного хода один из его организаторов и участников заместитель губернатора Архангельской области Р.В. Балашов сравнил новомучеников, сохранивших веру в период борьбы государства с церковью, с воинами, погибшими на поле брани, и с первыми христианами, подвергавшимися гонениям [Крестный ход 2013].

Принесенная жертва мыслится участниками перформативного ритуала как коллективная. При этом остальные репрессированные, кроме православных христиан, чьи останки покоятся на той же территории, остаются за рамками дискурса. С точки зрения мемориальных акторов совершенные здесь преступления не осквернили землю, а послужили ее возрождению. Русский Север, под которым подразумевается Архангельская область, рассматривается группой памяти как место массового уничто-

жения верующих и разрушения храмов и превращается в «живой антиминс». Ритуал коммеморации определяет идентичность его участников через указание на их связь с погибшими. Они рассматривают себя как наследников «героев духа, до конца стоявших за православную веру» [От пересылки до пересылки 2018]. По словам моих информантов, как воцерковленных, так и невоцерковленных жителей Архангельска и Лявли, во время крестного хода многие из них испытывали чувство гордости и ощущение солидарности с окружающими и с теми людьми, останки которых находятся в захоронениях.

Крестные ходы дают возможность их участникам легитимизировать собственные представления. Мемориальные акторы Лявли (прихожане Успенской церкви и архангельских храмов) придерживаются мнения об особой роли России в православном мире и исключительности русского народа. Почитание мест гибели за веру им необходимо для конструирования идеи избранной нации. А.Д. Смит ввел понятие «счастливой смерти», в которой нуждается нация для своего переутверждения [Smith 2003: 70]. Судьба погибших священнослужителей и мирян, по мнению участников крестного хода, служит свидетельством уникальности России и ее особой миссии по сохранению православия.

### Систематизация нарративов

В ходе исследования я попыталась систематизировать нарративы, связанные с антиисторией Лявли. Ответы информантов на вопрос о том, чьи останки находятся в захоронениях, варьировались от «политзаключенных» и «врагов советской власти» до «духовенства», «православных», «старообрядцев», «уголовников», «офицеров», «военных чинов», «крестьян», «раскулаченных», «ссылных», «высокопоставленных чиновников» и др. Передаваясь из поколения в поколение, коллективная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое — мифическую историю.

Среди моих информантов не оказалось очевидцев произошедших событий, но в конце 1980-х — 1990-е гг. с ними беседовал Н.В. Суханов. Во время такого разговора жительница деревни Ершовка Е.А. Бутакова рассказала, как стала невольным свидетелем захоронения обнаженных трупов, привезенных сотрудниками НКВД в Псареве (как она считала, из Архангельска).

*Мы с мужем и золовкой ходили по клюкву. Запозднились, возвращались домой уже в сумерках. Они (похоронная команда. — Н.С.) со всех сторон охранение выставили, а со стороны леса — нет. Мы и вышли к самой машине. Трупы были голые, их*

крючьями, какими лес катают, из машины в ров стаскивали. Нас арестовали, но меня и золовку через час отпустили, а мужа отвезли в город — для выяснения [Суханов 2017].

Бутакова показала это место Суханову. Впоследствии, вспоминая об этом, она говорила, что пережила состояние ужаса. До конца 1980-х гг. женщина эту историю скрывала.

В начале 1990-х гг. жительница Лявли Е.И. Неманова вспоминала о том, как ее дети нашли у деревни Псареве расчлененные человеческие останки.

*Мои старшие дети школу заканчивали в Уйме. Туда пешком и назад пешком, осенью по дороге и грибов собирают. Как-то приходят и говорят, что в лесу мешок прорезиненный видели, дескать, не схожу ли я посмотреть. Я, помню, разревалась: «Так-то вы мать жалеете, если думаете, что на работе я совсем не устала». А постоялец наш, тракторист из МТС, заинтересовался. Возвращается мрачнее тучи. «Там, — говорит, — расчлененный труп». За трактористом на следующее утро приехал «черный ворон», и больше мы его не видели [Суханов 2015].*

В ответах информантов варьируется возможное число расстрелянных. Двое бывших помощников Суханова сказали в интервью, что в захоронениях находятся останки примерно пятисот тысяч человек [Инф. 4, 5]. Сам Суханов считал, что погибших «не менее восьми тысяч» [30 октября — День памяти 2022]. Проверить эти сведения и узнать точное число убитых сейчас возможности нет, и вопрос остается открытым.

Одним из самых распространенных сюжетов, формирующих архангельскую идентичность, оказалась история о затоплении в Северной Двине / Белом море барж с заключенными. Многие мои собеседники связывали это с карательной деятельностью М.С. Кедрова, организатора Красного террора на Русском Севере<sup>1</sup>. Нарратив основан на местных исторических реалиях: баржи строили в верховьях Северной Двины, а после транспортировки зерна и продуктов в Архангельск оставляли на берегах реки, поэтому в Архангельске было много брошенных барж. Локализация событий различается: в Лявле распространены рассказы о затоплении барж неподалеку от села, в самом глубоком месте Северной Двины — Бабонеговской яме, в Архангельске считают, что баржи были затоплены в Белом море [Инф. 10].

<sup>1</sup> Михаил Сергеевич Кедров (1878–1941) — советский партийный деятель, с 1919 г. председатель Особого отдела ВЧК, член коллегии НКВД. Один из руководителей карательных органов советской власти, организатор репрессий в рядах Красной армии и Красного террора на Русском Севере. Ликвидировал Соловецкий монастырь.

В публицистике XX в. есть термин «баржа смерти» [Валентинов 2008], означающий плавучую тюрьму периода Гражданской войны. Сюжет о затопленных баржах был распространен на всей территории ГУЛАГа, события локализуются на Енисее, в Финском заливе (в районе Кронштадта), на Камчатке, в Черном море около Крыма, на Волге у Царицыно, на Каме, Белом озере и Соловках. И.А. Флиге пишет о мифологизации информации о гибели второго этапа заключенных Соловецкого лагеря. Многие из заключенных СЛОН считали, что этап был затоплен в Белом море [Флиге 2019: 19].

Впервые информация о затопленных в Северной Двине баржах с людьми была опубликована в книге бывшего узника Соловецкого лагеря С. Мальсагова «Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере» [Мальсагов 1925; 1996; Malsagoff 1926]. Рассказы с этим сюжетом есть в публикациях Н.В. Суханова [Суханов 2014; 2017]. Это развернутые истории очевидцев события [Храм в Лявле 2017]. Мне удалось записать пять вариантов этого текста, которые имеют краткую информационно-описательную форму.

Различия в репрезентации события и его оценке зависят от целей нарратора. В рассказах, опубликованных Сухановым, есть указание на социальное положение погибших — для него было важно, что в Северной Двине утопили священников и их семьи. Эта же информация оказалась важна и для игуменьи Афанасии (Рудалевой). В 2012 г. в интервью журналисту Архангельского областного телевидения она рассказала, что в окрестностях Лявли «топились баржи с людьми», на одной из которых везли священников, на другой — матушек с детьми [Иоанно-Богословский монастырь 2012]. И Суханов, и игуменья Афанасия демонстрируют понимание советских репрессий как борьбу государства с православными верующими.

Одно из опубликованных воспоминаний принадлежит жительнице Лявли У.И. Потаниной. Позднее, описывая свое состояние, она рассказывала мне, что во время встречи с утопленниками пережила состояние ужаса. Ее воспоминание эмоционально окрашено и строится на антитезе православной символики (Успение Пресвятой Богородицы, церковь) и новой советской (представитель власти). Циничное объяснение происходящего из уст председателя волисполкома рационализирует и рутинизирует убийства, придает им будничность.

*В тот год мы с отцом решили на Успение (Пресвятой Богородицы) плыть в Лявлю. Только вывернулись из Сопушинки на Двину, сразу после Бабонеговской кошки [песчаный остров], очутились среди мертвяков. Во всю ширину реки, справа и слева несло трупы — над водой были только лицо и кисти рук.*

*Вот страху-то натерпелись. В Лявле около церкви встретили председателя волисполкома, рассказали ему — все-таки власть. «А, это всякую шваль по деревням собирают и топят в реке», — объяснил он [Суханов 2017].*

Нарративы о затопленных баржах имеют установку на достоверность. Информанты описывают особенности местного ландшафта, указывают время суток и дату («два года назад двадцатого ноября», «в 1925-м году», «летом 1925 г.»), упоминают церковные праздники (Успение), топонимы (остров Ельничный, Ершовка, Вайново) и названия локусов (Жаровихинское кладбище, Холмогорский концентрационный лагерь, напротив входа в Успенский храм, Бабонеговская кошка<sup>1</sup>), ссылаются на предков («бабушка рассказывала», «от бабушки слышала», «со слов тетушки») и другие источники информации, называют имена местных жителей (Карбасниковы, Егор Карбасников, Павел Яковлевич Короткий, лавочница Ирина и др.). Иногда даются объяснения, каким способом были затоплены суда: «делали взрыв», «делали дырку», «выбивали дно» и т.д. Число барж варьируется от одной до десяти (о «десятках затопленных в Северной Двине барж с арестантами» говорят в интервью областному ТВ игуменя Афанасия [Иоанно-Богословский монастырь 2012] и митрополит Даниил [Соловьева 2012]).

Мои собеседники рассказывали истории о затопленных баржах в ответ на вопрос, знаком ли им этот сюжет. Некоторые из них услышали его в советское время: а) на уроках литературы, которые вела местная диссидентка (конец 1960-х гг.); б) от учителя физкультуры, который раньше работал в ГУЛАГе; в) когда готовили текст экскурсии об истории Архангельска во время работы в бюро путешествий в 1973–1974 гг.; г) от научного сотрудника Архангельского краеведческого музея. Другим он стал известен в постсоветское время: д) когда готовили экскурсию об Архангельске в 2020 г.; е) в кладбищенской церкви от свечницы; ж) от бабушки; з) от Н.В. Суханова; и) из СМИ. Сейчас нарратив о баржах стал частью культурной памяти жителей Архангельска, сформировавшейся под влиянием краеведов и журналистов.

Помимо описанных существуют нарративы о самопожертвовании, связанные с трагической судьбой священнослужителей и мирян в советский период. Историческая память местного сообщества конструируется через героизацию прошлого и моделирование образов великих людей. Среди части верующих Лявля известна как место гибели последнего настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Вениамина (Кононова)

<sup>1</sup> Кошка — песчаный остров.

(1868–1928) и его келейника иеромонаха Никифора (Кучина) (1881–1928). После освобождения из Холмогорского лагеря монахи скрывались в лесной избушке под Лявлей и были убиты местными жителями во вторник Светлой Седмицы. В 2000 г. Вениамин и Никифор были канонизированы. В связи с этой историей Суханов назвал Лявлю «потаенными Соловками» [30 октября — День памяти 2022]. Название прижилось и получило широкое распространение среди архангельских прихожан и журналистов.

Архангельское православное сообщество придает гибели монахов символическое значение: их смерть интерпретируется как сакральная жертва, обеспечившая десекуляризацию церкви в 1980-е гг. Следуя подходу Ж.В. Корминой и С.А. Штыркова в описании православных проектов коллективной памяти, можно сказать, что современная форма памяти о соловецких монахах носит «антисоветский» агиографический характер. («Под “антисоветским”, или “гуманистическим”, агиографическим проектом мы понимаем канонизацию новомучеников и исповедников российских, “принявших мученическую кончину за Христа или подвергшихся гонениям после Октябрьской революции 1917 г.”») [Кормина, Штырков 2011: 391–392].

Еще одна группа нарративов повествует о чудесных знаках и знамениях, происходивших в разное время на территории Лявли. Мироточение многочисленных икон в Успенской церкви и появление там же на Распятии капель крови верующие жители Архангельска объясняют осквернением «святой земли» в советское время и необходимостью оплакивать погибших в Лявле людей [Инф. 4]. В 2003 г. архангельская журналистка Ирина Шадрина рассказала о мироточении восемнадцати лявленских икон. Это явление она объяснила «расстрелами монахов». Митрополит Даниил называет чудеса «Божьим благословением Лявли» [Храм в Лявле 2017]. Прихожане Успенской церкви считают, что первой в ней замироточила икона «Всех скорбящих Радость» и произошло это в день установки креста на Ельничном острове. Икона была написана на Соловках в конце XIX в., в 1923 г. она была перенесена соловецкими монахами на лесоповал в одну из лагерных «командировок» (лесных подразделений), путь к которой проходил через Лявлю [Инф. 3]. По утверждению служителей церкви, в разное время в ней мироточили иконы патриарха Тихона, Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской, преподобномученика Вениамина и др. — все они посвящены людям, погибшим во время советских репрессий. К циклу легенд об обретении святыни относится нарратив о чудесном появлении иконы Святой великомученицы Варвары на острове Ельничном, где находится место расстрела священников. В 1970-е гг. вода размыва могильный

ров, и икона оказалась в реке. Ее нашел один из местных жителей и, хотя изображение было практически утрачено, спустя какое-то время передал в Успенскую церковь в Лявле. Там образ святой чудесным образом проявился [Инф. 1].

Во время моей экспедиции в Лявлю монахини Иоанно-Богословского монастыря рассказывали, что в монастырском помяннике об усопших, который читается ежедневно, могут неожиданно появляться имена расстрелянных, которые таким образом просят, чтобы о них молились [Инф. 2].

Знаком святости Лявли, по мнению прихожан, стало сохранение креста на церкви Успения Пресвятой Богородицы в советское время, хотя с других архангельских храмов кресты были сняты. Для прихожан крест на храме связан с идеей «покаяния». Он обеспечивает преемственность между поколениями и помогает молиться за «грехи отцов и дедов», совершенные в советское время [30 октября — День памяти 2022].

И в целом историю Лявли как территории «темного наследия» воцерковленные информанты объясняют ее предшествующей «святостью»: с XIV в. здесь существовал Успенский мужской монастырь<sup>1</sup>, один из первых известных монастырей в Двинской земле<sup>2</sup>. Освоение территории Нижнего Подвинья, по мнению Н.В. Суханова, началось с Лявли [Суханов 2011: 23–24]. Среди верующих распространено убеждение, что в святых местах дьявол особенно старается причинить человеку вред и ввести его в искушение. Акторы памяти о «темном наследии» Лявли считают ее местом, где произошло зарождение ГУЛАГа, хотя первые концентрационные лагеря в Архангельской области появились в Холмогорах и Пертоминске<sup>3</sup>. Массовое насилие, совершавшееся на территории лявлинских деревень, для информантов — прихожан архангельских храмов связано с образами катастрофы как части исторического локального мифа.

### Заключение

Культурная память о Лявле как месте травматического наследия создавалась гражданскими активистами в последние советские и первые постсоветские годы, а сегодня поддерживается преимущественно прихожанами церкви Успения Пресвятой Богородицы и руководством Архангельской епархии. Агентами медиации между мемориальными акторами и архангельским

<sup>1</sup> Лявленский Успенский мужской монастырь — один из старейших монастырей Архангельской области, основан в XIV в. близ впадения реки Лявли в Северную Двину, упразднен в 1765 г.

<sup>2</sup> Историческое название в XIV–XVII вв. территории в бассейне реки Северной Двины, расположенной к северу от Волго-Северодвинского водораздела, часть современной Архангельской области.

<sup>3</sup> Концлагеря в Холмогорах и Пертоминске были созданы в конце 1919 г.

комьюнити становятся журналисты, туристы и паломники. Конструирование травматической истории Лявли началось в конце 1980-х гг. В то время деятельность группы памяти велась в соответствии с проектом правозащитного центра «Мемориал»<sup>1</sup> по увековечению памяти жертв политических репрессий. Позже она переходит в околоцерковную среду, происходит партикуляризация памяти о жертвах насилия, в результате чего среди них выделяют погибших за веру. Для воцерковленных акторов памяти судьба России оказывается неотделима от судьбы Православной церкви, а в церковном дискурсе люди, погибшие в Лявле, становятся «мучениками» и «героями духа». Группы памяти признают существование коллективного греха, сформированного десятилетиями непосредственного или пассивного участия в репрессивной деятельности государства, и говорят о необходимости коллективного покаяния. Наиболее громко тема общего покаяния и вины звучала в 1990-е гг., когда российское общество пыталось разобраться в причинах репрессий и взять на себя ответственность за преступления тех поколений. В условиях поиска основ для строительства национальной идентичности советская история стала играть ключевую роль в деятельности религиозных националистов.

Для архангельского клира Русский Север стал местом, где происходили самые страшные гонения «за веру Христову». Один из главных акторов конструирования образа Лявли Н.В. Суханов считал, что Каргопольлаг и Кулойлаг<sup>2</sup>, находившиеся в Архангельской области, были страшнее колымских лагерей, что несправедливо забыты Холмогорский и Пертоминский лагеря. В интерпретации Суханова, представителей церкви и прихожан русский народ обретает субъектность через мучения, которым он подвергся из-за религиозных убеждений в советские годы, а Архангельская область и в первую очередь село Лявля оказываются «северной Голгофой» — по аналогии с Бутовским полигоном, названным «русской Голгофой» [Бутовский полигон; Суханов 2017]. В архангельском церковном дискурсе появляются метафоры земли, «политой и пропитанной кровью многих тысяч людей», и «моря крови», где местные жители ходят «по колену в крови». Ежегодно проводимые крестные ходы по местам захоронений формируют и поддерживают идентичность религиозного покаяния.

---

<sup>1</sup> Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

<sup>2</sup> Каргопольский ИТЛ создан в 1937 г. в Каргополе и поселке Ерцево Коношского района Архангельской области, действовал до 1960 г. Кулойский ИТЛ существовал с 1937 по 1942 г. В 1940 г. реорганизован в Управление Кулойского ИТЛ и колоний УНКВД по Архангельской области. Дислокация в Архангельске. В составе Кулойлага существовал Приморский ОЛП с центром в деревне Часовенская.

Память — способ конструирования людьми своего прошлого. История «темного наследия» села Лявля оказывается вписана в этноцентричный националистический миф. В этом русле создается образ Лявли как древнего святого очага Двинской земли. Происходившее на этой территории уничтожение людей объясняется желанием государства осквернить «святую землю». У культурной памяти о Лявле есть свои *genii loci* — последний архимандрит Соловецкого монастыря митрополит Вениамин (Кононов) и его помощник иеромонах Никифор (Кучин). Мемориальные акторы Лявли сформировали нарратив самопожертвования, согласно которому православные христиане принесли себя в жертву, чтобы в конце 1980-х гг. произошло религиозное возрождение Лявли / России.

М. Хальбвакс писал о пластичности коллективной памяти [Хальбвакс 2007: 256]. Проведенное исследование позволяет говорить о конфликте разных видов памяти. Лявля как место насилия известна лишь небольшому числу ее жителей и архангелогородцев. Часть опрошенных жителей Архангельска ничего не знает о расстрельных захоронениях, а некоторые отказываются доверять информации о гибели здесь людей, называя ее «фантазиями». Одна информантка ответила, что для нее «важны живые люди, а не мертвые» [Инф. 8]. Для этой группы более актуальна память о советском Архангельске. Некоторые считают, что число репрессированных в стране преувеличено, что они были врагами России и что если бы в стране не произошла Октябрьская революция, она перестала бы существовать [Инф. 8]. Такие ответы демонстрируют конспирологичность мышления и убежденность в существовании внешних врагов, желающих уничтожить Россию.

Часть жителей Архангельска допускает, что в Лявле происходили единичные расстрелы, но не массовые репрессии, другие утверждают, что уничтожались этапы со спецпереселенцами (раскулаченными крестьянами, высланными в Архангельск из других регионов)<sup>1</sup>, а не местные жители. Кто-то в доказательство того, что в Архангельске не было массовых репрессий, ссылается на «психологические особенности» местных жителей, которые аполитичны и вынуждены заниматься выживанием в суровых климатических условиях Севера [Инф. 9]. Многие информанты, прожив всю жизнь в Лявле, никогда не слышали о ее травматическом прошлом. Другие, узнав о массовых расстрелах из СМИ, отказываются в это верить и воспринимают такую информацию негативно. Здесь не проводились раскопки,

<sup>1</sup> О спецпереселенцах — раскулаченных крестьянах, высланных в Северный край, я писала подробно [Дранникова 2019].

поэтому доступная информация варьируется. Жители Архангельской области в целом мало знают о Лявле как месте насилия. Все, что им известно, заимствовано из публикаций в местных СМИ, от священников или Н.В. Суханова, например во время его выступления перед депутатами Архангельского областного собрания.

Лучше других осведомлены об истории Лявли воцерковленные жители Архангельска, для которых характерна религиозная оценка советских репрессий. В их представлении нация неотделима от веры: в России они видят оплот православия, а русский народ считают богоизбранным. Свое отношение к событиям в Лявле в советский период они описывают через понятия «вины», «трагедии», «памяти», «потери памяти», «стыда», «покаяния», «скорби», «греха». В ответах невоцерковленных информантов, которые знают о расстрелах в Лявле и негативно к ним относятся, к перечисленным понятиям добавляются «правовая оценка» и «преступление». Иногда мемориал называют «местом совести»: он противостоит забвению людей, ставших жертвами советских политических репрессий. Наиболее развернутые и эмоционально насыщенные ответы принадлежат образованным жителям Архангельска, родившимся в конце 1950-х — 1970-х гг. Они свидетельствуют, что чувствительность к теме прошлого была структурообразующей для позднесоветской и постсоветской интеллигенции, но не получила достаточного развития в двухтысячные годы. Информанты сожалеют, что перестройка «захлебнулась», что не состоялось общественного обсуждения репрессий и им не была дана оценка на государственном уровне.

Однако у большинства местных жителей тема репрессий не вызывает интереса и к восстановлению памяти о погибших они относятся равнодушно или настороженно. Во время интервью у некоторых информантов такие вопросы могли вызывать страх, недоверие, подозрительность. Отказываясь от ответов, они ссылались на судебный процесс историка Ю.А. Дмитриева<sup>1</sup>, отсутствие подтверждающих расстрелы документов и «генетический страх» перед силовыми структурами. В последнее время для создания образа сильной страны стали использоваться исторические нарративы, которые создают образ сильной справедливой страны и ее героического прошлого. Память о репрессивно-карательной политике СССР вступает

---

<sup>1</sup> Юрий Алексеевич Дмитриев — историк, краевед, руководитель Карельского отделения общества «Мемориал» (внесенного Минюстом РФ в список иноагентов). Один из составителей и издатель книг памяти жертв политических репрессий 1930–1940-х гг. в Карелии и материалов по истории строительства Беломорско-Балтийского канала. Организатор экспедиций, обнаруживших места захоронения жертв политических репрессий в Сандармохе и Красном Бору.

с ними в противоречие, в результате тема травматического прошлого ушла на периферию общественного интереса.

### Список сокращений

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

МТС — машинно-тракторная станция

ОЛП — отдельный лагерный пункт

СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения

ТОС — территориальное общественное самоуправление

### Источники

30 октября — День памяти... #Архив студии «Поморфильм» [запись 2020 г.] // YouTube: Поморская Альтернатива. 2022, 30 окт. <<https://www.youtube.com/watch?v=wrEmOKg91eY>>.

*Андреева Д.* Хранитель памяти новомучеников Севера // Виртуальный музей Новомучеников и исповедников Земли Архангельской. 2016, 1 окт. <<http://www.arhispovedniki.ru/news/5816/>>.

*Богумил З.* «Стена скорби», музей истории ГУЛАГа и другие практики мемориализации жертв советских репрессий: интервью Зузанны Богумил с Романом Романовым // *Laboratorium*. 2018. № 2. С. 157–163. doi: 10.25285/2078-1938-2018-10-2-157-163.

Бутовский полигон — Русская Голгофа. Храм святых новомученников и исповедников Российских в Бутове. <<https://martyr.ru>>.

*Валентинов М.* Главный миф Гражданской войны // Сталин: время, люди, империя. [2008, 10 апр.]. <<https://web.archive.org/web/20090209202737/http://stalinism.ru/content/view/873/38/>>.

*Гаврилова С.* Покаянный путь Лявли // Русская народная линия. 2007, 12 окт. <[http://ruskline.ru/monitoring\\_smi/2007/10/12/pokayannyj\\_put\\_lyavli/](http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/10/12/pokayannyj_put_lyavli/)>. (Удалено с сайта; архив автора).

Захоронение расстрелянных в районе СОТ «Северодвинка» (Лявля) // Некрополь террора и ГУЛАГа. <<https://mapofmemory.org/29-50>>.

Иоанно-Богословский монастырь в Ершовке // YouTube: Архангельская епархия. 2012, 26 окт. <<https://www.youtube.com/watch?v=W6UuJBqtI9o>>.

Крестный ход в память Новомучеников Малые Карелы — Лявля 21.07.2012 // Храм в честь св. блгв. кн. Александра Невского г. Архангельск. 2013, 15 июля. <<http://hram-anevskogo.prihod.ru/2013/07/15/krestnyj-xod-2012/?ysclid=ld4aanrt51417106842>>.

*Мага А.* Николай Суханов: Мы узнаем новые факты о новомучениках каждый день // Церковный вестник. 2012, 22 окт. <[http://e-vestnik.ru/interviews/tsentr\\_novomuchenikov\\_arhangel'skoj\\_mitropolii](http://e-vestnik.ru/interviews/tsentr_novomuchenikov_arhangel'skoj_mitropolii)>. (Суханов Н. Архангельский мартиролог: счет идет на тысячи [Интервью Антонины Мага с Николаем Сухановым] // Журнал Московской патриархии. 2012. № 11. С. 57–59).

- Мальсагов С.А.* Соловки. Остров пыток и смерти (записки бежавшего с Соловков офицера С.А. Мальсагова) // Сегодня (Рига). 1925, нояб.-дек. № 269–293.
- Мальсагов С.А.* Адские острова: советская тюрьма на Дальнем Севере / Пер. с англ. Ш. Яндиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 127 с.
- На месте расстрела крестьян под Архангельском освящен поклонный крест // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. 2008, 21 июня. <<http://www.patriarchia.ru/db/text/425257.html?ysclid=ld4aq2k4ml718634479>>.
- «От пересылки до пересылки» прошли северяне в память о новомучениках // Архангельская епархия. 2018, 30 июля. <<http://www.arh-eparhia.ru/news/1214/74938/?ysclid=lboy0vpm5c396957661>>.
- Соловьева Е.* Тракт десяти крестов // Журнал «Фома». Фотоблог Екатерины Соловьевой. 2012, 25 июля. <<https://foma.ru/trakt-desyati-krestov.html>>.
- Суханов Н.В.* На Двину, ко Святей Богородици. 2-е изд. Архангельск: Правда Севера, 2011. 240 с.
- Суханов Н.* Плечом к плечу // Архангельская епархия. 2012, 18 июля. <<http://arh-eparhia.ru/publications/25061/>>.
- Суханов Н.* Крестный ход по местам лявлинских захоронений жертв репрессий // Виртуальный музей Новомучеников и исповедников Земли Архангельской. 2014, 20 дек. <[http://arhisповедniki.ru/archive/krestnye\\_khody/2007/](http://arhisповедniki.ru/archive/krestnye_khody/2007/)>.
- Суханов Н.* Прогулка вдоль берега Двины, или крестный ход в Лявлю // Виртуальный музей Новомучеников и исповедников Земли Архангельской. 2015, 15 янв. <<http://arhisповедniki.ru/library/research/2363/>>.
- Суханов Н.* Десять крестов вдоль дороги // Преображенское содружество малых православных братств. [2017, 22 мая]. <<https://karta.psmb.ru/karta/articlesingle/desjat-krestov-vdol-dorogi/>>.
- Храм в Лявле. Журналист Ирина Шадрина. ТВ Поморье. 2003 год // YouTube. Александра Белоус. 2017, 21 авг. <<https://www.youtube.com/watch?v=ГТ1ZjJQu1aI>>.
- Malsagoff S.A.* An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North / Transl. by F.H. Lyon. L.: A.M. Philpot, 1926. 223 p.

### Библиография

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 413 с.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2018. 323 с.
- Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
- Богумил З.* Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о Гулаге // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (71). С. 11–29.

- Данилова Г.А. Страницы истории советского периода: ГУЛАГ. Пинега. Архангельск: Правда Севера, 2014. 262 с.
- Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. 2010. № 2. С. 327–347.
- Дранникова Н.В. «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2019. № 3 (180). С. 8–16. doi: 10.15393/uchz.art.2019.302.
- Кормина Ж.В., Штырков С.А. Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуале и коммеморации // Гучинова Э.-Б., Комарова Г. (отв. ред.). *Антропология социальных перемен: Сб. статей*. М.: РОСПЭН, 2011. С. 389–413.
- Мельник Т.Ф. Польские осадники на Пинежье (Чернецкие в Пачихе) // Супрун М.Н. (сост., ред.). *Каторга и ссылка на Севере России: Сб. статей*. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. Т. 1: Польская ссылка. С. 200–232.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. *Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой*. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Сабурова Т.А. Этнические немцы на Севере // Щербакова И.Л. (ред.-сост.). *Репрессии против российских немцев. Наказанный народ*. М.: Звенья, 1999. С. 187–199.
- Супрун М.Н., Герасимова А.И. Поляки в Архангельской ссылке в годы Второй мировой войны (на материалах спецпоселков Уйма и Косково) // *Historia provinciae — журнал региональной истории*. 2021. Т. 5. № 4. С. 1294–1324. doi: 10.23859/2587-8344-2021-5-4-6.
- Флиге И.А. *Сандормох: драматургия смыслов*. СПб.: Нестор-История, 2019. 205 с.
- Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Зенкина*. М.: Новое изд-во, 2007. 343 с.
- Фуко М. «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с фр. Е.А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. 311 с.
- Avrami E., Macdonald S., Mason R., Myers D. (eds.). *Values in Heritage Management: Emerging Approaches and Research Directions*. Los Angeles, CA: The Getty Conservation Institute, 2019. X+245 p.
- Bogumil Z. *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of the Russia's Repressive Past*. N.Y.: Berghahn Books, 2018. 248 p.
- Hubbell A.L., Akagawa N., Rojas-Lizana S., Pohlman A. (eds.). *Places of Traumatic Memory: A Global Context*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. XVI+319 p.
- McGlynn J., Jones O.T. *Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe: Interdisciplinary Methodologies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. XIX+218 p.
- Smith A.D. *Chosen People: Sacred Sources of National Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2003. XXI+330 p.

**Список информантов**

- Инф. 1 — Николай Васильевич Суханов (ум. в 2016 г.), краевед, директор Архангельского епархиального центра изучения и сохранения памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской
- Инф. 2 — Афанасия Рудалева (1938–2022), настоятельница женского Иоанно-Богословского монастыря в Лявля
- Инф. 3 — женщина 1965 г.р., работник Дома культуры в Лявля; зап. в с. Лявля
- Инф. 4 — женщина 1953 г.р., учитель; зап. в с. Лявля
- Инф. 5 — мужчина 1958 г.р., предприниматель; зап. в с. Лявля
- Инф. 6 — женщина 1962 г.р., инженер связи; зап. в Архангельске
- Инф. 7 — мужчина 1989 г.р., сотрудник Архангельского городского культурного центра; зап. в Архангельске
- Инф. 8 — женщина 1959 г.р., преподаватель Северного государственного медицинского университета; зап. в Архангельске
- Инф. 9 — мужчина 1952 г.р., депутат Архангельского областного собрания; зап. в Архангельске
- Инф. 10 — мужчина 1979 г.р., научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея; зап. в Архангельске
- Инф. 11 — мужчина 1950 г.р., работник культуры; зап. в Архангельске

---

## **The Arkhangelsk Village of Lyavlya as a Place of Violence: Between History and Myth**

**Natalia Drannikova**

European University at St Petersburg  
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia  
n.v.drannikova@gmail.com

The article examines the narratives, ideas and cultural practices that exist in the Arkhangelsk cultural space and represent to an external observer the pages of the Soviet history of the village of Lyavlya associated with the mass extermination of people in the 1920s–1950s. The cultural memory of Lyavlya as a place of violence was created by parishioners of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary and the leadership of the Arkhangelsk diocese. The result of their activities was the formation of a narrative about the history of Lyavlya and the particularization of the memory of the victims of violence. For memory actors, the fate of modern Russia is inseparable from the fate of the Orthodox Church, and the people who died in Lyavlya appear as martyrs for the faith and “heroes of the spirit”. Processions of the cross to burial sites provide an opportunity for their participants to legitimize ideas about the special

role of Russia in the Orthodox world and the exclusivity of the Russian people. The fate of the dead clergy and laity, according to memorial actors, serves as evidence of the uniqueness of the Russian nation and its special mission to preserve Orthodoxy. Recently, interest in the topic of the traumatic past has faded. The author shows how the memory of traumatic legacies is constructed through ceremonies, memorials and publications.

Keywords: Lyavlya village, Arkhangelsk, repression, Orthodox Church, place of memory, commemoration.

### References

- Anderson B., *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 1991. XV+224 p.
- Assmann A., *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C. H. Beck, 2006, 320 SS.
- Assmann J., *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: C. H. Beck, 1992, 344 SS.
- Avrami E., Macdonald S., Mason R., Myers D. (eds.), *Values in Heritage Management: Emerging Approaches and Research Directions*. Los Angeles, CA: The Getty Conservation Institute, 2019, X+245 pp.
- Bogumil Z., 'Kresty i kamni: solovetskie simvolы v konstruirovaniі pamyati o Gulage' [Crosses and Stones: Solovki Symbols in Constructing the Memory of the Gulag], *Neprikosnovennyy zapas*, 2010, no. 3 (71), pp. 11–29. (In Russian).
- Bogumil Z., *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of the Russia's Repressive Past*. New York: Berghahn Books, 2018, 248 pp.
- Danilova G. A., *Stranitsy istorii sovetskogo perioda: GULAG. Pinega* [Pages of the History of the Soviet Period: Gulag. Pinega]. Arkhangelsk: Pravda Severa, 2014, 262 pp. (In Russian).
- Dorman V., 'Ot Solovkov do Butovo: Russkaya pravoslavnaya tserkov i pamyat o sovetskikh repressiyakh v postsovetskoy Rossii' [From the Solovki to Butovo: How the Russian Orthodox Church Appropriates the Memory of the Repressions], *Laboratorium*, 2010, no. 2, pp. 327–347. (In Russian).
- Drannikova N. V., "'Nas vezli tselyy mesyats v telyachikh vagonakh": vospominaniya potomkov spetspereselentsev v povestvovatelnoy traditsii arkhangelogorodtsev' ["We Were Carried in the Cattle-Boxes for a Month": Memories of the Special Settlers' Descendants in the Narrative Tradition of Arkhangelsk Citizens], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 3 (180), pp. 8–16. doi: 10.15393/uchz.art.2019.302. (In Russian).
- Flige I. A., *Sandormokh: dramaturgiya smyslov* [Sandarmokh: Dramaturgy of Meanings]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019, 205 pp. (In Russian).
- Foucault M., *"Il faut défendre la société": Cours au Collège de France (1975–1976)*. Paris: Gallimard; Seuil, 1997, 304 pp.
- Halbwachs M., *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan, 1925, 211 pp.

- Hubbell A. L., Akagawa N., Rojas-Lizana S., Pohlman A. (eds.), *Places of Traumatic Memory: A Global Context*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, XVI+319 pp.
- Kormina J. V., Shtyrkov S. A., 'Pravoslavnye versii sovetskogo proshlogo: politiki pamyati v rituale i kommemoratsii' [Orthodox Versions of the Soviet Past: The Politics of Memory in Ritual and Commemoration], Guchinova E.-B., Komarova G. (eds.), *Antropologiya sotsialnykh peremen* [Anthropology of Social Changes]: A coll. of articles. Moscow: ROSPEN, 2011, pp. 389–413. (In Russian).
- McGlynn J., Jones O. T., *Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe: Interdisciplinary Methodologies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022, XIX+218 pp.
- Melnik T. F., 'Polskie osadniki na Pinezhe (Chernetskie v Pachikhe)' [Polish Settlers on Pinezhye (the Chernetskies in Pachikha)], Suprun M. N. (comp., ed.), *Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Hard Labor and Exile in the North of Russia]: A coll. of articles. Arkhangelsk: Pomor State University Press, 2004, vol. 1: *Polskaya ssylka* [Polish Exile], pp. 200–232. (In Russian).
- Nora P., 'Entre Mémoire et Histoire. La problématique des lieux', Nora P. (dir.), *Les Lieux de mémoire*. Paris: Gallimard, 1984, vol. 1: *La République*, pp. XVII–XLI.
- Saburova T. A., 'Etnicheskie nemtsy na Severe' [Ethnic Germans in the North], Shcherbakova I. L. (ed., coll.), *Repressii protiv rossiyskikh nemtsev. Nakazannyi narod* [Repressions against Russian Germans. Punished People]. Moscow: Zvenya, 1999, pp. 187–199. (In Russian).
- Smith A. D., *Chosen People: Sacred Sources of National Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2003, XXI+330 pp.
- Suprun M. N., Gerasimova A. I., 'Polyaki v Arkhangelskoy ssylke v gody Vtoroy mirovoy voyny (na materialakh spetsposelkov Uyma i Koskovo)' [Poles in the Arkhangelsk Exile during the Second World War (A Case Study of the Special Settlements of Uima and Koskovo)], *Historia provinciae — zhurnal regionalnoy istorii*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 1294–1324. doi: 10.23859/2587-8344-2021-5-4-6. (In Russian).